

УДК 94-438
ББК 63.3(0)51

**Жить и умирать в деревне.
Запрещенное и дозволенное
в отношениях между евреями
и крестьянами в Речи Посполитой в XVII в.**

Андрей Михайлович Шпирт

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия)

Кандидат исторических наук, ORCID ID: 0000-0002-0611-9809,
ученый секретарь Центра украинистики и белорусистики
МГУ им. М.В. Ломоносова,
119192, г. Москва, Россия, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4,
исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова
тел.: +7 (495) 939-56-50, E-mail: futesas@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2018.8

Аннотация: В статье дается краткая характеристика отношений между евреями и крестьянами на востоке Речи Посполитой в первой половине и в середине XVII в. Присутствие евреев в сельской местности юго-восточных воеводств Речи Посполитой являлось одной из главных особенностей социального и правового положения еврейского населения, особенно Велико-го княжества Литовского. Кроме социальных и правовых аспектов в статье рассматривается влияние религии на повседневные отношения простого населения и то, каким образом новые социально-экономические условия изменяли религиозные и правовые нормы.

Ключевые слова: *евреи, социальная история, еврейско-христианские отношения, Речь Посполитая.*

В настоящей статье мы дадим краткую характеристику отношений между евреями и крестьянами на востоке Речи Посполитой в XVII в. Кроме социальных и правовых аспектов нас также будет интересовать, каким образом религия влияла на повседневные отношения простого населения и, наоборот, как социально-экономические реалии изменяли религиозные и правовые нормы. Обращаясь к этой теме, следует учитывать, что крестьяне, в это время поголовно неграмотные, не оставили после себя каких-либо письменных свиде-

тельств и большая часть источников интересующего нас времени была создана людьми другого социального круга, которые преследовали свои собственные интересы. Кроме того, неполные и отрывочные судебные материалы не отражают реальных событий, но только создают удобный для одной из сторон образ прошлого или социального (религиозного) конфликта. Также следует отметить, что крестьяне жили в городах, а жизнь в небольших местечках носила преимущественно аграрный характер.

Речь Посполитая в начале XVII в. – аграрная страна, основу экономики которой составляло ориентированное на рынок и основанное на крепостном труде фольварочное (поместное) хозяйство. В это время продолжались колонизационные процессы, в результате многие регионы страны были развиты неравномерно. Еврейское население Речи Посполитой также не представляло собой некоего монолитного сообщества с единым социальным, правовым и даже культурным положением. На юго-восточных землях Речи Посполитой евреям разрешалось заниматься арендой целых поместий и сельскохозяйственных построек. Помимо прочего они были вовлечены в аренду государственных доходов (таможен, монетных дворов) и занимались откупками ряда податей. Хотя подобного рода занятия строго запрещались на коронных или «польских» территориях¹, на «украинских» и «белорусских» землях действовали постановления II и III Литовского Статута, не содержавшие аналогичных запретов. Многие евреи на востоке Речи Посполитой жили в сельской местности. По подсчетам М. Хорна перед 1648 г. только в Червонной Руси евреи жили в более чем девяти тысячах деревень [Horn 1975, 75]. Эта динамика продолжилась и в последующее столетие. Во второй половине XVIII в. на востоке страны жило две трети от всего еврейского населения Речи Посполитой, из которых около трети – в сельской местности. При этом в некоторых регионах численность еврейского населения в деревнях могла даже значительно превышать городское, например, в Подлясье, в районе Венгрова, более 70% евреев жило в сельской местности, а в Великом княжестве Литовском доля сельских евреев достигала 40% [Kalik 2009, 77; Cieśla 2015, 235–238]².

¹ См. конституции сеймов в Петркове 1565 и 1567 гг.: *Volumina legum* 1859a, 51–52, 68.

² При этом в Подлясье в сельской местности жило около 55% евреев [Goldberg 1989, 28].

Таким образом, миграция еврейского населения проходила не только в направлении городских центров, но и сельской местности, и историки пишут не только об урбанизации, но и о деурбанизации еврейских общин [Cieśla 2015].

Вопреки устоявшемуся мнению, еврейское население в сельской местности не было гомогенным и его социальный состав со временем менялся. Большинство сельского еврейского населения составляли арендаторы пропинации, изготовители водки и пива и их еврейская прислуга.

До XVI в. правом монополии на производство водки и ее продажу (содержание корчмы) обладали крестьяне, которые пользовались этим правом по наследству. Они выплачивали помещику фиксированную сумму чинша (оброка). Доход помещика от чинша (который платился только за использование монополии, а все доходы оставались у владельца) по сравнению с теми выплатами, которые приносили арендные договора, заключаемые обычно с евреями, был весьма низким. Это положение вещей было характерно не только для деревни, но и для города, где эти права изымались у горожан. В течение XVII в. (как и в последующем XVIII в.) потребность в наличных деньгах у шляхты и магнатов значительно возросла. В это же время цены на водку росли так же быстро, как и на зерно. Изготовление и продажа алкоголя ввиду повышенного спроса стали приносить весьма высокую прибыль. Таким образом, право пропинации изымалось у наследственных арендаторов и временно отдавалось другим, в первую очередь евреям, которые были в состоянии заранее выплатить ожидаемый доход [Kalik 1995, 22–23; Goldberg 1993, 207]. Величину и значительность выплачиваемых арендаторами сумм показывают наблюдения С. Александровича. Так, арендатор медовых, пивных и водочных корчем в Кейданах и по всей волости в 1589 г. выплачивал владельцу города 240 литовских коп, в то время как все горожане местечка, в это время насчитывавшего 966 жителей, платили 90 коп. В 1620 г. арендатор выплатил 440 коп, а более чем тысяча горожан выплатили лишь 87 коп [Alexandrowicz 1996, 158].

Процесс перехода прав на пропинацию от наследственных арендаторов к временным был характерен прежде всего для частных имений, в то время как в королевских владениях ситуация была другой. На этот факт, в частности, указывают счетные книги Червонной

Руси, которые в первую очередь имеют дело с наследственными арендаторами (евреи-арендаторы составляли в них только 18%). Как отмечает Ю. Калик, аренда пропинации не была областью соперничества между евреями и бедной шляхтой. Она была сферой конкуренции между евреями и горожанами и поэтому не входила в сферу интересов знати. Так, сеймик в Сондовой Вишне в 1645 г. запретил евреям аренду земли, но не «корчем, прудов и мельниц». Рост таких постановлений (особенно характерных со второй половины XVII в.) свидетельствует о том, что все большее число евреев было вовлечено в подобные формы аренды [Kalik 1995, 23]³.

До середины XVII в. евреи могли выступать в качестве арендаторов земельных владений – деревень, небольших городков и магнатских ключей⁴ и латифундий, в которых они брали на откуп сеньориальные права [Goldberg 1990, 190–191; Nadav 1998]. В постановлениях Мешулама Файбиша, записанных в Кракове (или в Бресте) в конце XVI в., упоминаются арендаторы мельниц, лесов и прудов, полей и виноградников (*брагим*), городов и деревень [Feldman 1969, 91–92]. Формулы из еврейского источника сравнимы с договором 1643 г. об отдаче в аренду Дворе Симшичевой и двум ее сыновьям целого ряда деревень «с грунтами, с засевком житным, землянами⁵, боярами⁶, мешанами, подданными и повинностями до того с борами, лесами, пущами, реками, озерами, деревом бортным и не бортным, з ловы зверинными, рыбными и вшелякими пожитками и принадлежностями» [АВАК 1901, 216–217].

Собственники земли – князья, старосты, светские и духовные лица – передавали своим арендаторам-евреям согласованное в контрактах число барщинных дней и некоторое количество барщинных и безземельных крестьян (загородников) [Архив АЮЗР 1879, 283–310; АВАК 1892, 285–286, 384, 388–389; АВАК 1901, 216–217; Gold-

³ М. Росман проводит различия между еврейской «арендой» и дворянским «держанием». Если шляхта арендует недвижимость, то евреи – только монополии на права; арендовать земельную собственность им запрещали сеймовые конституции и польское право [Rosman 1990, 110–113].

⁴ Ключ – несколько земельных владений (деревень и местечек), принадлежавших одному магнату и управлявшихся как единый хозяйственный комплекс.

⁵ Земьяне – богатые крестьяне и, возможно, панцирные слуги, выполнявшие полицейские и военные функции и обычно освобождавшиеся от выполнения тягловых повинностей.

⁶ Бояре – в Великом княжестве Литовском мелкопоместная шляхта.

berg 1990, 190–191]. Владелец поместья также заключал с еврейскими арендаторами подробные контракты, в которых он уполномочивал их выбирать и менять по желанию вторичных арендаторов, взимать различные подати, а также призывал все население поместья к повиновению главному арендатору, предоставляя ему право при необходимости использовать военную силу. Мельники, которые не желали сотрудничать с арендатором (монополия на помол зерна являлась также важной частью доходов поместья), могли быть изгнаны. Те, кто пытался обойти водочную монополию, например католические или православные священники, конфликтовали с арендаторами, которые, обладая правом расследования и даже ареста, не колебались использовать свою власть и силу [Teller 1997, 50]. В этом отношении еврейская аренда в деревне отличалась от аренды в городе или местечке, где евреи арендовали питейные заведения или объекты городской инфраструктуры наравне с христианами и не обладали полной монополией на продажу водки [Goldberg 1989, 29–31].

Мотив еврея – эксплуататора христианского населения, и особенно его самой слабой части, крестьян, весьма укоренен в российском имперском и украинском национальном нарративах XIX – начала XX в., хотя после 1648 г. доля таких арендаторов значительно уменьшилась и они стали скорее исключением, чем правилом. При этом в еврейской историографии группа сельских евреев представлялась как наиболее ущемленный в правах объект непрерывной эксплуатации и жестокого податного гнета. Новейшие работы, напротив, показывают их благоприятный статус, значение для экономики государства, заинтересованность и покровительство со стороны магнатов и знати. Юдит Калик называет этих евреев новой социальной силой, которая начинает подрывать влияние традиционных общинных институтов [Kalik 2009, 77–94; Kaźmierczyk 2011, 580].

Почти все арендные договора включают в себя примечания, касающиеся зависимости крестьян от арендаторов. Вопреки убеждению М. Хорна, не только в Червонной Руси, но и в Великом княжестве Литовском евреям принадлежала власть над крестьянами, включая *ius vitae et necis*, то есть право судить и карать смертью⁷. По мнению

⁷ Так, например, в арендном контракте, заключенном между князем Григорием Сангушко-Коширским и евреями на местечко Горохов и села Старый Горохов, Озерцы, Марковичи, Конохи и Куты (1601) [Архив ЮЗР 1879, 283] и в контракте С. Ковельского на Раков (1638) [АВАК 1901, 165–168]. В контракте ошмянского старосты

Я. Гольдберга, евреи не стремились использовать предоставленную им возможность. Более того, они даже избегали карать виновных смертью, когда виновные осуждались за убийство их соплеменника, поскольку это могло привести к тяжелым последствиям. Так, в 1638 г. в судебном постановлении, в котором рассматривалось дело обвиненного в убийстве еврея крестьянина в Блонях (Куявия), было специально упомянуто, что евреи не настаивали на его казни. Историк также приводит свидетельства из источников XVIII в., когда владельцы передавали право расследования и суда из рук евреев в руки администраторов-христиан или подстаростам [Goldberg 1990, 194–195]. Вместе с тем ситуация, сложившаяся на украинско-белорусских территориях, может представляться иной.

Как свидетельствуют многочисленные источники, проявления насилия со стороны евреев в отношении христиан были весьма частыми. Прежде всего эти документы связаны с деятельностью евреев-арендаторов в деревне [Nadav 1985, 52–55]⁸. В литературе насилие со стороны евреев обычно объясняется чувством безопасности, которое отличало польско-литовских евреев, пользовавшихся покровительством короля и магнатов, от евреев в других странах рассеяния [Teter 2006, 33–37]. Вместе с тем редко кто рассматривал эти случаи в контексте общего насилия в Речи Посполитой⁹.

Можно предположить, что наиболее острый характер носили конфликты в имениях, имевших отношение к православной церкви.

Григория Друцкого-Горского (1638) указывалось, что в случае преступления, за которое назначалась смертная казнь, арендатору следует обратиться к владельцу имения [АВАК 1901, 169–170]. См. арендные контракты: АВАК 1901, 238–240, 266–269; 339–340; АВАК 1902, 13.

⁸ См.: жалоба арендатора Кошевиц Давида Якубовича от 6 февраля 1645 г. на бегство из арендуемого имения крестьян [АВАК 1901, 195–196], убийство Кондрата Шестелевича [АВАК 1901, 223–234], Остапа Шкляра [АВАК 1901, 227–228], неисполнение крестьянами своих повинностей в Речицах [АВАК 1901, 236–237], жалоба крестьян Пневно [АВАК 1901, 284–286] и Лулинца [АВАК 1901, 328–329].

⁹ По замечанию М. Надава, исследовавшего случаи взаимного насилия между евреями и христианами в Великом княжестве Литовском, «почти нет сомнения, что евреи преследовали виновных и полностью считали свои действия справедливыми, согласно тому, как это в равной степени понималось и оценивалось в литовском, польском и еврейском обществе того времени» [Nadav 1985, 56]. В этом отношении пионерской работой является исследование Н. Старченко о «культуре» насилия в шляхетском обществе на примере Волыни [Старченко 2014]. Ср.: Hundert 1978; Rosman 1986b.

В 1605 г. Иван Солтан вместе со своими подданными напал на своего арендатора Ицхака Михелевича, убил его и ограбил дом. Виновик убийства еврея был осужден, приговорен к крупному штрафу, а в Литовском Трибунале к смертной казни, однако смог скрыться. Братья Михелевича напали на дом, вероятно, одного из участников набега – Яна Волковича. Не найдя хозяина, они схватили его мать, которая через некоторое время скончалась от побоев [АВАК 1901, 60–75]¹⁰.

В жалобе Яна Волковича от 8 мая 1605 г. сообщалось, что евреи, «не помнечи на стан свой жидовский, которому яко напокорней жежи народом хрестиянским мешкать належит», продемонстрировали «зуфалость свою жидовскую» и издевались над его матерью, так как, будучи евреями, желали пролития христианской крови: «паствычысе тыранско, округне а немилостиве над телом и кровию нашою хрестиянскою шляхетною, яко поганцове и прагнучые пролетья крови хрестияньского... не преставаючи оное злое воли и умыслу своего поганского жидовского а паствечысе тыранско над пани маткою нашою» [АВАК 1901, 77]. Резкий тон заявления Волковича можно попытаться объяснить тем фактом, что имения Солтана и Волковича располагались рядом с Жировицким монастырем¹¹. Брат Ицхака Ми-

¹⁰ Причинами нападения стоит признать экономические противоречия, возникшие между Солтаном и его арендатором. 24 марта 1605 г. Солтан обвинил Ицхака Михелевича в распространении в Жировицах морового поветрия [АВАК 1901, 59–60].

¹¹ Хотя у нас нет никаких сведений, которые бы показали на связь духовенства (в это время перешедшего в унию) с Я. Волковичем. Ср. с жалобой на Ивана Солтана: «умыслне моцно кгвалтом и многими слугами, боярами, и подданными двора своего монастырского Жировицкого» [АВАК 1901, 62]. Вместе с тем в жалобе 24 марта 1605 г. Ивана Солтана на евреев, в которой он обвинил евреев в заражении Жировиц моровым поветрием, нет никаких антиеврейских мотивов, представивших бы заражение местечка как проявление еврейской «злости». Наоборот, Иван Солтан рассказывает как о смерти христиан, так и евреев [АВАК 1901, 58–59]. Любопытно отметить, что вдова Ицхака Михелевича Эстер Хеменина 2 апреля 1606 г. продала свою аренду имения Ивана Солтана слонимскому каштеляну И. Мелешко, в том числе «церковь, с доходы церковные, монастырь Жировицкий с фольварком и монастырский двор, названного Монастырским» [АВАК 1901, 101–106]. По свидетельству М. Надава, это единственный случай, когда монастырь и церковь на недолгое время оказались в арендном владении евреев [Nadav 1985, 56]. Еще одно свидетельство подобной практики – арендный договор 1596 г.: «Пану Миклашевскому и жиду Невсвежскому Пасоху, отдавая им в аренду свои имения <...> с церквями и всем тем, что дано им на содержание <...> с борами, лесами, горами, дубравами <...> со всякими и каждыми прибутками и доходами» [Памятники 1846, 99].

хелевича Абрам показал в суде привилегию 1589 г. Сигизмунда III польской шляхте и жалованную грамоту их деду, Михаилу Юзефовичу, которому Сигизмунд Старый в 1525 г. даровал дворянское достоинство. На этом основании Абрам потребовал, чтобы к его убитому брату и родственникам относились как к шляхте, а нападение на дом рассматривали как нападение на дом шляхтича, тем более что Ицхак вел жизнь настоящего дворянина, не занимался винокурением, торговлей или ремеслом, но только арендой и ростовщицеством: «Ицхак Юзефович, жид с предков своих, есть учтивый шляхтич, который наследующи справ шляхетских, не бавечисе шинком, ани которым ремеслом, также мереньем локтя, але бавечисе и мешкаючи под волностью шляхетцкою именья людей зацных заставою, а некоторые арендую держал и оных до живота своего уживал, а по животе его малжонка его з детьми, потомками его, на певных добрах шляхецких земских заставшисе, и теперь мешкает» [АВАК 1901, 70]¹². Евреи – арендаторы земельной собственности подражали шляхте, старались вести сходный с ней образ жизни и даже разделяли ее ценности. Исайя Горовиц (1555–1630), автор популярного трактата «Две скрижали завета», писал, что видел в Польше дома, построенные сынами Израиля и похожие на замки князей [Teter 2006, 35].

В 1646 и 1647 гг. деятельность Дворы Симшивичевой и ее сыновей в Лулине и Погосте¹³ встретила жесткий отпор в лице духовенства соседних с селами Дятловского и Купятицкого монастырей. 6 августа 1646 г. игумен Дятловского монастыря, назвавший себя слугой Иннокентия Гизеля, Иван Дашкевич Гладкий жаловался на

¹² Согласно 3-й главе 25-й статьи III Литовского статута 1588 г. шляхтич, который занимается винокурением, торговлей и ремеслом, теряет дворянское достоинство: «Тежь уставуемь, ижь кгды бы шляхтич, занехавши именья и обыстья своего шляхетского або про худобу свою ищучы себе поживенья, ушоль бы до места и мешкал тамь, торгь местский ведучи або и шинкь в дому маючи и локтемь меречы, або ремесло робечи на варстате, таковый вжо з волностей шляхетскихъ веселитисе не маеть. Ведь же естли бы потомъ тотъ шляхтичъ самъ або сынове шинкомъ и ремесломъ местскимъ обходитисе не хотели и локтемь не мерили и, вышодышы зась з места, наследовали поступковъ рицерскихъ предковъ своихъ, таковые мають бытъ за правую шляхту розумени» [Статут 2005, 49]. Сеймовая конституция 1633 г. также запрещала шляхте заниматься винокурением [Volumina legum 1859b, 806].

¹³ Погост, Лулинец и Лулин являлись имениями новгородского каштеляна Богдана Стеткевича. В то же время в жалобах Гладкого Лулинец фигурирует как собственность Дятловского монастыря.

арендаторов, которые в Лулине, «паствечше над кровью хрестиянскую, не мало зброден починили» [АВАК 1901, 292]. Хотя в своей жалобе Дашкевич упомянул об убийстве евреями двух крестьян и о вмешательстве «законников» Дятловского и Купятицкого монастырей, которые потребовали разбирательства их преступления, в центре его претензий находится дело о нападении арендаторов на монастырских подданных на Лулинской ярмарке. Евреи потребовали с приехавших на ярмарку крестьян выплатить мыто, которое крестьяне, как «подданные добр земских», не обязаны были выплачивать. «Неверные жидове», «над верным христианством паствечися», избили и ограбили непослушных им крестьян.

Упомянув об убийстве евреями двух крестьян, православный игумен, вероятно, имел в виду дело об убийстве погостскими арендаторами стекольщика Остапа Скляра¹⁴, которое велось еще с зимы 1646 г., а также дело об убийстве войта Погоста Яна Павловича¹⁵.

На следствии по делу Остапа Скляра погостский войт Хрыц Йовтух заявил, что распространителем слухов о смерти стекольщика от евреев стал землянин Тимофей Мурашка и местный священник [АВАК 1901, 227]. Именно они ночью после смерти Скляра пришли в его дом, сообщили войту о своих предположениях и потребовали от него доставить тело стекольщика в пинский замок для расследования. Когда войт отказался сделать это, Мурашка и священник

¹⁴ В смерти стекольщика был обвинен сын арендаторши Погоста Яков Симшич, который якобы так сильно ударил палкой крестьянина (тот опоздал на устроенную евреем охоту), что тот через несколько дней умер. Вместе с тем жители Погоста и других деревень опровергли слухи о том, что причиной смерти Скляра стал случай на охоте (Погостский войт Хрыц Йовтух, местные земляне Мартин Лебедзевский, Павел Змейовский, Охий Скоткович и жители Андрей Воронович, Сушко Мошкович, Иван Хоневич, а также жители села Каменя – Сахно и Тихон и Ботова – Иовсей Неводничий и Яков Пилипович). Как оказалось, между случаем на охоте и смертью Скляра прошло три недели. Согласно показаниям свидетелей после случая на охоте Скляр был здоров и ходил в Пинск покупать стекло (Сахно, Тихон, Иовсей Неводничий). По воспоминаниям Сушки Мошковича, Яков Лазорович не ударял Скляра палкой, но все же укорил его за опоздание. С этим соглашался также и Яков Пилипович: «żadne zbićie od jakoby żyda nie stało, tylko słowy takowem: że lubą stary a nie iesteś posłuszny, późno wychodzisz napominał» [АВАК 1901, 227, 229–230].

¹⁵ См.: жалоба слуги Б. Стеткевича Гелиаша Щепы на Двору Симшивичеву от 13 августа 1646 г., обвинившего ее и ее сыновою в том, что последние вместе с их друзьями из Пинска 20 июля напали на погостского войта, якобы отказавшегося давать евреям причитающийся им мед, и убили его [АВАК 1901, 298].

угрожали ему («pochwałki czynili»), что если он не выполнит их «приказа» («rozkazania») и не привезет тело в Пинск и не будет возражать Якову Лейзеровичу («na żyda protestował»), то они обратятся к владельцу Погоста Б. Стеткевичу, который накажет непослушного войта [АВАК 1901, 227]¹⁶.

Тимофей Мурашка и погостский священник Яков Мартинович неслучайно оказались замешаны в деле Остапа Скляра. 13 июня 1645 г. Двора Симшивичева жаловалась на погостского землянина, по ее словам избившего двух евреев и возмущавшего в Лулине крестьян, подговаривая их не ходить на работу и не отдавать долги [АВАК 1901, 215]. В жалобе Дворы, Якова и Мордухая Лейзеровичей от 9 ноября 1646 г. священник обвинялся в краже трех ведер меда из бортей, принадлежавших евреям¹⁷.

Нам неизвестно, чем закончилось следствие об убийстве Остапа Скляра и Яна Павловича. 29 марта 1647 г., чтобы «тое забитье и кровь христисанская дармо не пошла, и своволя жидовская и паственье се над людьит христианскими правне зганено было», об этих преступлениях еще раз напоминает Иван Гладкой¹⁸. В своей жалобе

¹⁶ Тем не менее Богдан Стеткевич также участвовал в конфликте с евреями. 18 апреля 1646 г. Двора жаловалась на слуг Стеткевича, Тимофея Мурашку и Гелиаща Щепу, якобы напавших на Погост, избивших войта и ограбивших ее дом. Ответ слуг новгородского каштеляна был подготовлен лишь 13 августа. Они отвергли все обвинения и в свою очередь обвинили ее в том, что евреи тайно вымышляют «ложные, противные гадкие вещи» («potajemnie żydowstwo iako śnać zwykli czynić przeciwko chrześcian tak y teraz wazyli się rzeczy niesłusznie, brzydkie, potwarne, zmyślone [czynić]») [АВАК 1901, 296]. Они заручились поддержкой Б. Стеткевича, составившего отдельную жалобу на действия еврейки в его имении [АВАК 1901, 295]. Вместе с тем, как представляется, Дворе Симшивичевой удалось сохранить за собой аренду над Погостом и другими именьями Стеткевича.

¹⁷ В мае 1646 г. Яков Мартинович был ограблен и избит сыном и челядью Дворы Симшивичевой, который не допустил сына священника ловить в пруду рыбу [АВАК 1901, 263]. При ограблении бортей священник действовал вместе с дубновическим землянином Иваном Новицким. 8 марта 1645 г. дубновический землянин Есьман Новицкий жаловался на Лазаря Симшича, который якобы напал на его сына Яна, украл его лошадь, сбрую и увел вола «nie dbając nic na winy prawnie, czyniąc z zufalstwa swego iako żyd, który zawsze przeciwko narodu chrześcijanskiemu przeciwny iest» [АВАК 1901, 204].

¹⁸ Жалоба Гладкого стала ответом на заявление Дворы Симшивичевой о нападении 22 декабря 1646 г. православного игумена на Лулин. Стоит отметить, что Гладкой никоим образом не обращается к обвинению еврейки, называя его лишь проявлением «хтивости» к «кривдам людей христианских» «великих неприятелей народу христианского» [АВАК 1901, 330].

он также рассказывает о нападении евреев, «упасшихся в кривды христианские», на погостскую церковь и местного священника¹⁹, а также о том, как евреи, «злость» которых «зневажает право посполитое» и «жаждующих злость свою против их милости законником завзятую выконати», избили на рынке монастырских крестьян²⁰.

Готовность жителей местечка дать благоприятные для евреев показания свидетельствует скорее об их равнодушном отношении к евреям и о безразличии к тому, кто являлся их арендатором [Nadav 1985, 52]. Из жалоб крестьян из Пневно от 28 июля и 20 августа 1646 г. мы узнаем о целом перечне претензий к арендаторам, которые привлекали дополнительных крестьян к выполнению барщины, увеличивали чинш и размер чрезвычайных налогов²¹. Евреи уводили скот, брали сено, разоряли борти, не платили трудникам за выполненную работу и за подводу и, несмотря на полученное разрешение, не допустили строить мельницу, а также не сдержали обещание заплатить за купленный скот [АВАК 1901, 307–308]²². В жалобе православного игумена Ивана Гладкого несмотря на антиеврейскую риторику также нет каких-либо замечаний, касавшихся нарушений евреями религиозных прав крестьян, но лишь обвинения в изготовлении нового

¹⁹ Вероятно, речь идет об избиении Якова Мартиновича в мае 1646 г.

²⁰ Гладкий, вероятно, вновь напоминает об ограблении евреями, арендаторами Лулина, монастырских крестьян на ярмарке.

²¹ «...w robotach uciążaia, z włoki ale każdego osobliwie od niedzieli do niedzieli pędzą, biią, grabią, piątkowe gwałty co było z dymu po 1 to po 2 teraz...» [АВАК 1901, 286]. Хотя крестьяне говорят, что они работают «с воскресенья до воскресенья», тем не менее они не развивают эту тему таким образом, чтобы представить евреев нарушителями предписаний обязывающих их церковных канонов. Следует отметить, что слова крестьян (как их передает запись возного) не следует понимать буквально. Крестьяне считают, что они выполняют в год помимо предписанных им инвентарем 500 повинностей и оценивают нанесенный им ущерб в 1000 злотых: «namniey na każdy rok dni gwałtownie przerobionych nad powinność 500 kładziem <...> za mil 30 y daley w drogę pędzą, do robot gdziebyśmy nie nalezli gwałtem biiąc, pędzą iako do kamienia do domów budowania, drzewa, drania, wożenia, szkapamy czego na ostrowie odbyć nie może to nam gwałtem narzucaia, płacić sobie za to bezcennie każąc 1000 zlp uszczerbku» [АВАК 1901, 286]. В свою очередь, владелец Пневно Адам Котовский в своей жалобе на деятельность назначенных им арендаторов 20 июля 1646 г. указывал, что евреи препятствовали крестьянам продавать изготовленные в домашних условиях товары (речь идет об алкогольной продукции) и вынуждали их продавать товары по низким ценам [АВАК 1901, 287–288].

²² Червинский священник из Пневно также жаловался на евреев, которые в течение трех лет не платили за сено, собираемое с его луга.

корца, задержании выдачи в монастырь меда, взимании овса и увеличении на полбочки выплат с волоки зерна [АВАК 1901, 323]²³.

Вместе с тем, как отмечает А. Теллер, крестьяне весьма болезненно относились к выполнению своих повинностей перед евреями, которым, согласно каноническому праву, было запрещено обладать властью над христианами. Результатом подобной практики стало значительное обострение религиозного и социального напряжения [Teller 1997, 51]. В 1597 г. подданные князя Григория Сангушки подали жалобу во Владимирский гродский суд на свиносских евреев, которые, арендуя в течение нескольких лет Конюхи, Куты и Белополье «до святеня шабатов, до жидовства нас, хрестиян, приводят и примушают, а которые розказаня жидовского не поменило, розмаитым везнем трапят и мордуют, вины з нас незносные берут, а праве до египское неволи нас кгвалтовне и неслушне примушают и притыкают» [Старченко 2003, 93]. Нет никакой возможности проверить достоверность выдвинутых обвинений. Социальные причины, неприятие евреев-арендаторов (разделяемое прежде всего шляхтой) соприкасается с некоторыми религиозными опасениями – речь, вероятно, идет о привлечении еврейскими христианами в качестве прислуги во время празднования субботы.

Евреев-арендаторов, заставлявших крестьян работать по воскресеньям и по праздникам, обвиняли в неуважении христианских обычаев²⁴. Так, в 1646 г. земляне Лука и Анна Ольковские обвинили

²³ Воздействие норм канонического права на сознание крестьян, по-видимому, происходило позже XVI и даже первой половины XVII в. Однако в 1740 г. недовольные деятельностью арендаторов Гедалии и Ицки Рубиновичей в Кричевском повете белорусские крестьяне уже писали, что они дадут 1000 злотых, но только, чтобы «не возвышался еврей над христианином» [Teller 1997, 50].

²⁴ См.: жалобы Луки Ольковского и Анны Домбровской от 30 января 1646 г. на еврея Давида Якубовича, арендатора Кротова, в избении сына их слуги Петра Шестеля Кондрата, отказавшегося работать в воскресенье [АВАК 1901, 223–224], и священника мотольской церкви Николая Барановича на мотольского арендатора Лейбу Гириевича и его зятя Моисея Исаковича от 13 августа 1652 («*żyd w dzień święty niedzielny tego dnia, ale już z dawnych czasów w dni święte uroczyste wzziwszy przeciwko sobie takowy sposób czynił*») [АВАК 1901, 346]. Польский поэт XVII в. Шимон Старовольский писал, что «*Żydzi... na zelżywość większą wiary chrześcijańskiej, najwięcej w Święta nasze robić kazą: gdzie chrześcianie u przykazania kościelne przystępują, mszej świętej nie słuchają; u Boże, gdy w święto robić muszą, a kto będzie Panu Bogu za to liczbe sroga oddawał, jeno ten co Chrześciany Żydom w moc podaje, której oni na okrucieństwo, jako sprzesięgli nieprzyjaciele chrześcianscy zażywając, nie tylko na ciele poddanych wniwecz ich obracając, ale też u na duszy, do przystępstwa przykazania Bożego u Kościelnego przywodząc, okrutnie zabijają*» [Kaźmierczyk 1997, 26].

еврея Давида Якубовича, арендатора Кротова, в избииении сына их слуги Петра Шестеля, Кондрата. Давид нанял Кондрата на работу по изготовлению водки и избил его за отказ работать в воскресенье [АВАК 1901, 223–224]. В поведении еврея Лука и Анна усмотрели презрение к христианской религии²⁵. Проблема работы по праздникам и в воскресенье остро стояла и в других регионах Речи Посполитой [Teter 2006, 60–63, 187]. 13 ноября 1692 г. люблинский официал Ян Кашовский разрешил евреям варить и продавать спиртные напитки по воскресеньям и праздникам, только не на центральных улицах, предместьях и во время двенадцатых праздников (по всей видимости, речь шла о деревнях, находившихся под юрисдикцией Хелмской епархии). Это письмо впоследствии неоднократно подтверждалось [Materiały źródłowe 2001, № 1720].

Разнообразные источники, начиная уже с XVI в., говорят о встречах евреев с крестьянами за городом и скупки у них сельскохозяйственной продукции и скота²⁶. Считавшиеся по сельской местности

²⁵ «...pastwiąc sie nad krwią chrześcijańską umyślnie na wzgardę czynione» [АВАК 1901, 224]. 19 апреля 1646 г. землянин пинского повета Иван Кропивницкий подтверждает обвинение Ольковских: «Żyd Pinsky czyniąc na zgardę chrześcijańską wiary tego to poddanego mego Kondrata przymuszał, aby w dzień święty niedzielny robił; tedy poddany mój, strzegąc święta robić nie chciał, Dawid Jakubowicz razem z niejakim Jakuszką, żydem z Pinska, okrutnie, tyrańskie kiymi zabili y zamordowali» [АВАК 1901, 251]. Однако согласно судебному решению от 6 июня 1646 г. Давид Якубович приговаривался к уплате 60 коп и 4 грошей, по тому же решению суда его дело переносилось в юрисдикцию суда подстаросты [АВАК 1901, 269–272].

²⁶ Купцы обвиняли и постоянно запрещали евреям «преуспевать над христианами», требуя, чтобы они торговали только на рынке. Практика скупки товаров у крестьян свидетельствует об успешной конкуренции евреев с христианским купечеством. Последним препятствовали старые архаичные и ограничивающие предписания городского рынка, евреи, часто не принадлежавшие ни к каким корпорациям, могли более успешно действовать на рынке и более эффективно использовать сложившуюся конъюнктуру. См. жалобу пшемысльских мещан на евреев от 17 января 1608 г., которые скупали у крестьян за городом сельскохозяйственную продукцию: «Niewerne Żydy przemyskie, którzy za rozpostarciem swem w handlach rozmaitych a osobkiwe w łokciach i wagach przez subtelność swoją (?) i chytrość żydowską (!)... czyniąc wielkie monopolia tak w mieście jako i około miasta czyniąc wielkie zakupienia tak rozmaitych zboż, łój, przeniec, żyta, owsów, ryb, śledzi, chmielów... co czyniąc na wielkie ubliżenie i zniszczenie mieszczan, zakupstwa towarów w drodze, osobliwe terazniejszego czasu» [Schorr 1991, 106]. В жалобе Ивана Солтана от 24 марта 1605 г. рассказывается, как холмские евреи, «купуючи в селах волю, яловицы, козлы, бараны, гуси, куры, мед, хмели и иншие речи дворы в Жировицах заповетрили» [АВАК 1901, 59]. В универ-

еврейские разносчики, мелкие торговцы и лавочники приходили в деревни, чтобы полученным у крестьян товаром обеспечить потребности беднеющего городского населения.

Появление подобных отношений, особенно характерных начиная со второй половины XVII в., свидетельствует об изменении социальной структуры польско-литовского еврейства. В период экономического кризиса, охватившего в первую очередь большие города, доля богатых купцов, занимавшихся оптовой и международной торговлей (что позволялось магистратами городов), уменьшалась, но росла численность бедных лавочников, странствующих торговцев и перекупщиков. Это укрепляло значение локальных рынков, но противоречило соглашениям еврейских общин с магистратами, накладывавшими ограничения на розничную торговлю.

Присутствие евреев в отделенных от крупных еврейских общин местах, главным образом в сельской местности, – постоянный источник беспокойства со стороны общинного руководства и религиозных элит. Это беспокойство было частью общей с христианами тревоги, вызванной тесными социальными контактами между евреями и христианами, тем более что повседневная жизнь в селе, видимо, в меньшей степени контролировалась общинными институтами. В середине XVI в. против распития спиртных напитков с неевреями выступал проповедник Беньямин Вольф [Fram 1997, 52]. Во второй половине XVII в. Цви Гирш Кайдановер предостерегал евреев, арендаторов постоянных дворов и корчем от совместного с неевреями распития некошерного вина [Hundert 1986, 160].

сале несвижским евреем от 7 марта 1647 г. Александр Людовик Радзивилл ссылается на жалобу местных жителей, которые указывали, что евреи «dla kupowania żywności przed miasto zabiegacie, one zakupujecie, a co większą, targi i handle na ulicach swoich mimo rynku zakładacie, co żeby się więcej nie działo» [Jewish Privileges 2001, 147]. 1 августа 1669 г. пинские мещане жаловались на евреев города, которые «zboża wozami u ludzi wieyskich y innych tak na rynku iako y po ulicach y drogach przeymuiąc, niepuszczaiąc w rynek prowadzić, ogulem zawracaią, ubogim zaś chrześcijanom... według ubostwa dla pożywienia siebie samych chcą kupić nie przypuszczaią owszem odpychaią y kupować niedopuszczaią». Покупка евреями зерна была необходима им для производства водки, которую они варили «w dni pospolite y w dni święte bez przestanku w kilkadziesiąt winnicach na kilkaset kotłów y bań» и развозили и продавали по окрестным городам и местечкам [АВАК 1902, 17]. Шляхта пользовалась привилегией, освобождавшей их от выплат податей от фольварка, поэтому купцы пригоняли в их владения скот на зимовку.

Кроме пищевых и литургических проблем (например, связанных с миньяном или с определением времени начала и завершения праздников), особое беспокойство вызывало нарушение субботних запретов. Тревога из-за несоблюдения евреями, живущими в деревне, строгих субботних предписаний ощущается в постановлениях Литовского ваада 1662 г., введившего надзор за шинкарями в общинах и поселениях [Kalik 2003, 236]. Х. Бен-Сассон в одной из своих статей показал влияние социально-экономических реалий на изменение религиозных правил (*galaха*) и вклад польских и литовских раввинов в свод еврейского права. Традиционные постановления о магазинах, лавках или ремесленных мастерских пополнились нововведениями, вызванными правами на аренду или формальной собственностью на землю, где крепостные крестьяне должны были выполнять различные обязанности, например барщину [Ben-Sasson 1956, 187]. Порицалась, но признавалась практика, когда барщинные крестьяне работали в субботу. Например, в одном из респонсов р. Йозеля Сиркеса рассказывалось о богатом еврее, у которого было много семян и зерна, которое он грузит на корабль и продает за морем. «И это обычно для тех земель, что неевреи пахут и сеют в субботу, чтобы он не понес убытка». Сиркес также советовал по-доброму обращаться с крепостными, чтобы те не пришли и не отомстили (*ло ябау либ-от хаю бемаишпа хатов аль ядей хатова вехаишпа лахем*) [Ben-Sasson 1956, 191–192].

Другой предмет беспокойства – вопрос о свиньях, обсуждавшийся вначале как часть проблемы торговли некошерным мясом. Так, свиней нельзя было брать в счет уплаты долга. Беньямин Солник требовал, чтобы человек, взявший свинью в счет уплаты долга, продал ее немедленно, даже если это причинит убыток. Между тем еще больше вопросов вызвало присутствие свиней в фольварках. Йозель Сиркес отмечал: «Ныне в нашем поколении есть люди, которые заранее арендуют от князей города и деревни, то есть весь доход идет князю, и от запашки, скота и свиней, которые живут во дворе князя... и за все время аренды еврей свиней разводит, кормит и выращивает для рабочих и слуг. Но нет для этого разрешения. И мы уже сделали постановление, чтобы конфисковать и изгнать их (*асину смиха лепахримам велиндотам*)... но не видели мы, что оно было исполнено (*меулам ло рау браха беесек зе*)... И у всякого,

у кого есть право арендатора, кто взял от князя в распоряжение город или деревню, и даже тот, кто был предупрежден не брать в распоряжение свиней, тот должен немедленно продать их, даже если это рассердит князя. Запрещено разводить (*лехаихотан*) и кормить свиной работой и следует немедленно продать их [т.е. свиней] и не получать от них прибыли» [Ben-Sasson, 1956, 192].

Сиркес также заявлял, что люди, занимающиеся свиноводством, «никогда не увидят успеха в своих делах, ибо прокляты будут свиноводы» [Кац 2010, 448].

Зять р. Йозеля Сиркеса, р. Давид Халеви, признавал существование обычая, когда евреи кормят прислугу нееврейской едой, т.е. держат свиней, но давал совершенно другое решение: «Хотя покупает Израиль от своего друга тrefное, чтобы дать своей нееврейской прислуге, не запрещено это и нет запрета на это тrefное... И таков простой обычай, который я видел» [Ben Sasson 1956, 193]. «И уже имели такое обыкновение и не запрещали им это мудрецы, так как сказано... не запрещено покупать тrefное» [Кац 2010, 448]. В этом постановлении Я. Кац видит характерную для польских раввинов тенденцию оправдывать существующее положение дел и объясняет его духом экономического рационализма, в соответствии с которым товары утрачивают свой специфический характер и воспринимаются лишь в качестве объекта получения прибыли [Кац 2010, 116].

Таким образом, отношения между евреями и крестьянами отличались разнообразием. При этом каждая из сторон не представляла какой-либо социально закрытой и гомогенной группы. Евреи-арендаторы были одними из наиболее богатых представителей еврейской общины, но их положение вызывало беспокойство со стороны духовной элиты еврейского общества, которая обвиняла их, особенно арендаторов пропинации, в аморальности и невежестве (например, Габриэль Шусберг в хронике «Врата раскаяния») [Vacon, Rosman 1991, 216]. По убеждению краковского проповедника второй половины XVII в. р. Берахьи Бераха, разведение свиней евреями-арендаторами, нарушение субботы, пренебрежение общинными решениями и произнесение молитв в недостойном обществе привели к трагедии Хмельниччины [Ben-Sasson 1956, 194; Rosman 1986a, 435]. Натан

Ганновер также видел в арендаторах и в их деятельности одну из главных причин погромов 1648 г. В хронике «Пучина бездонная» он упоминает Захария Собиленко, арендатора Чигирина (*moshel ha-ir*), который «арендовал указанный город у упомянутого пана (Конецпольского), подобно всем евреям в Руси, которые таким образом стали там повсеместно управляющими и хозяевами. Это и явилось причиной страшного бедствия, ибо евреи своим высоким положением вызывали зависть» [Еврейские хроники 1997, 90]. В этом отношении еврейский хронист следовал за предостережениями еврейской элиты, осуждавшей подобные занятия. Так, решение Ваада Четырех земель 1581 г. запрещало в границах Великой и Малой Польши и Мазовии под угрозой отлучения и штрафа в 200 злотых арендовать сбор чопового²⁷, монетные дворы и таможи. Этот запрет был вызван опасением, что подобного рода занятия могут привести к «большой опасности» [Weinryb 1973, 138–139; Cygielman 1982, 135–137].

В одном из своих респонсов р. Иоэль Сиркес повторил опасения еврейской элиты. Он указывал, что «общины устанавливают и приказывают [под угрозой] многочисленных наказаний, чтобы евреи не нанимали в аренду сбор чопового, так как есть большая опасность от жалоб христиан, что евреи господствуют и правят ими, как короли и князья» [Fram 1996, 172; Teter 2006, 35]. За этими опасениями стояло неодобрение польского общества, в первую очередь шляхты и церкви. Вместе с тем остается неясным, каким был образ еврея или еврея-арендатора в глазах простого крестьянина XVII в. По всей видимости, негативный образ еврея как эксплуататора и нарушителя христианского идеала социальной справедливости в сознании крестьянства получил развитие в более позднее время – к концу XVII – в первой половине XVIII в.

Занятия евреев арендой целых деревень, выполнение ими фискальных и судебных функций еще более накаляли отношения между ними и крестьянами. С другой стороны, в деревнях существовали другие группы евреев, занятых арендой пропинации или питейных заведений. Корчма изначально являлась местом тесного социального контакта [Goldberg 1974, 259; Żydzi polscy 2001, 147–150; 167–168;

²⁷ Чоповое – налог, взимаемый за изготовление, импорт и продажу алкогольной продукции.

Kalik 2008, 384–386]²⁸. Проникновение евреев в деревню свидетельствует об их активной роли в экономике страны. Жизнь евреев в сельской местности открывала новые возможности для еврейско-христианских отношений также в социокультурной сфере.

Литература и источники

- Архив АЮЗР 1879 – Архив Юго-Западной России. Киев, 1879. Т. 1. Ч. 6.
- АВАК 1892 – Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Вильно, 1892. Т. 19.
- АВАК 1901 – Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Вильно, 1901. Т. 28.
- АВАК 1902 – Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Вильно, 1902. Т. 29.
- Еврейские хроники 1997 – Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины») / Исслед., пер. и коммент. С.Я. Борового. М., 1997.
- Кац 2010 – *Кац Я.* Традиция и кризис. Еврейское общество на исходе Средних веков. М., 2010.
- Памятники 1846 – Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1846. Т. 1. Отд. 2.
- Старченко 2003 – *Старченко Н.* Евреи на Волини в конце XVI – первой трети XVII в.: некоторые наблюдения над непростым соседством // *Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга.* М., 2003. С. 92–104.
- Старченко 2014 – *Старченко Н.* Честь, кров і риторика: Конфлікт у шляхетському середовищі Волині (друга половина XVI – початок XVII століття). Київ, 2014.
- Статут 2005 – Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Мінск, 2005.
- Alexandrowicz 1996 – *Alexandrowicz S.* Rola miasteczek w gospodarczych uwarunkowaniach rozwoju ludności żydowskiej Wielkiego księstwa Litewskiego w XVI–XVIII w. // *Regiony pograniczne Europy Środkowo-Wschodniej w XVI–XX w. Społeczeństwo-gospodarka-polityka. Zbiór studiów / Pod red. M. Wojciechowskiego i R. Schattkowsky'ego.* Toruń, 1996. S. 153–161.
- Bacon, Rosman 1991 – *Bacon G., Rosman M.* Kehilla nivheret bi'metsuka: Yahadut polin be'ikvot Gezeirot Tah-Tat (Избранная община в опасности: польские евреи после погромов 1648–1649 гг.) // *Ra'ayon ha-Behira be'Yisrael u ba'Amim / Ed. by Sh. Almog., M. Heyd.* Jerusalem, 1991. P. 207–219.

²⁸ В этом отношении следует обратить внимание на место водки в крестьянской жизни. Алкоголь играл важную роль в социальной жизни, в отношениях с помещиком, являлся неизменным компонентом сельских торжеств, сопровождал людей от рождения до смерти. Водка была объектом товарного обмена, рассматривалась как форма подкупа и подарка и т.д. [Kargol, Ślusarek 2017, 105].

- Ben-Sasson 1956 – *Ben-Sasson H.H.* Takanot issurei shabat shel Polin u'mashautan ha'hevratit ve'kalkalit (Запреты работы в субботу в Речи Посполитой и их социально-экономическое значение) // *Zion*. Vol. 21 (1956). P. 183–206.
- Cieśla 2015 – *Cieśla M.* Żydzi wiejscy w Wielkim Księstwie Litewskim w drugiej połowie XVIII w. // *Kwartalnik Historii Żydów*. T. 254 (2015). № 2. S. 231–246.
- Cygielman 1982 – *Cygielman A.* Iskei hakhirot shel yehudei Polin u'kesharam le'hithavut “Vaad arba aratzot” (Арендные договора евреев Польши и их связь с созданием Ваада четырех земель) // *Zion*. Vol. 47 (1982). № 2. P. 112–144.
- Feldman 1969 – *Feldman E.* Heichan u'bishvil mi nitkanu ha'takanot le'issur ha'melakcha be'shabat shel r. Meshulam Faibish? (Где и для кого были приняты постановления о запрещении работы в субботу р. Мешулама Файбиша?) // *Zion*. Vol. 34 (1969). P. 90–97.
- Fram 1996 – *Fram E.* Bein 1096 le'1648–1649 – Ijun mechadesh («Между 1096–1648 гг.»: Новая оценка) // *Zion*. Vol. LXI (1996). № 2. P. 159–182.
- Fram 1997 – *Fram E.* Ideas Face Reality. The Jewish Law and Life in Poland (1550–1655). Cincinnati, 1997.
- Goldberg 1974 – *Goldberg J.* Poles and Jews in the XVII–XVIII Centuries. Rejection or Acceptance? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd 22 (1974). S. 248–282.
- Goldberg 1989 – *Goldberg J.* Żyd i karczma miejska na Podlasiu w XVIII w. // *Studia Podlaskie*. 1989. № 2. S. 27–38.
- Goldberg 1990 – *Goldberg J.* Władza dominialna Żydów-arendarzy dóbr ziemskich nad chłopami w XVII–XVIII w. // *Przegląd Historyczny*. T. LXXXI (1990). № 1/2. S. 190–191.
- Goldberg 1993 – *Goldberg J.* Żyd a karczma wiejska w XVIII w. // *Wiek Oświecenia*. 1993. № 9. S. 205–213.
- Horn 1975 – *Horn M.* Żydzi na Rusi Czerwonej w XVI i w pierwszej połowie XVII wieku. Działalność gospodarza na tle rozwoju demograficznego. Warszawa, 1975.
- Hundert 1978 – *Hundert G.* Security and Dependence: Perspectives on Seventeenth Century Polish-Jewish Society. Jewish Merchants in Little Poland. N. Y., 1978.
- Hundert 1986 – *Hundert G.* The Implications of Jewish Economic Activities for Christian-Jewish Relations in the Polish Commonwealth // *The Jews in Poland* / Ed. by C. Abramsky and M. Jachimczyk. London, 1986. P. 245–275.
- Jewish Privileges 2001 – *Jewish Privileges in the Polish Commonwealth. Charters of Right Granted to Jewish Communities in Poland-Lithuania in the Sixteenth to Eighteenth Centuries* / Ed. by J. Goldberg. Jerusalem, 2001. Vol. 2.
- Kalik 1995 – *Kalik J.* Szlachta Attitudes Towards Jewish Arenda in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Gal Ed*. Vol. 14 (1995). P. 15–25.
- Kalik 2003 – *Kalik J.* The Orthodox Church and the Jews in the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Jewish history*. Vol. 17 (2003). P. 229–237.
- Kalik 2008 – *Kalik J.* The Inn as a Focal Point for Jewish Relations with the Catholic Church // *Jews and Slavs* / Ed. by W. Moskovich, I. Fijałkowska-Janiak. Jerusalem; Gdańsk, 2008. Vol. 21: Jews, Poles and Russians. Jewish-Polish and Jewish-Russian Contacts. P. 381–390.

- Kalik 2009 – *Kalik J.* Scepter of Juda. The Jewish Autonomy in the Eighteenth-Century Crown Poland. Leiden, 2009.
- Kargol, Ślusarek 2017 – *Kargol T., Ślusarek K.* Życie społeczne chłopów w zachodniej Małopolsce w epoce reform agrarnych na przełomiu XVIII i XIX wieku // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*. 2017. Z.1. S. 101–118.
- Kaźmierczyk 1997 – *Kaźmierczyk A.* The Problem of Christian Servants as Reflected in the Legal Codes of the Polish-Lithuanian Commonwealth During the Second Half of the XVII century and in the Saxon Period // *Gal-Ed*. Vol. 15–16 (1997). P. 23–40.
- Kaźmierczyk 2011 – *Kaźmierczyk A.* Recenzja na: *Kalik J.* Scepter of Juda. The Jewish Autonomy in the Eighteenth-Century Crown Poland. Leiden, 2009 // *Kwartalnik Historyczny*. T. CXVIII (2011). № 3. S. 577–583.
- Materiały źródłowe 2001 – *Materiały źródłowe do dziejów Żydów w księgach grodzkich lubelskich z doby panowania Augusta II Sasa 1697–1733* / Pod red. H. Gmitereka i A. Tellera. Lublin, 2001.
- Nadav 1985 – *Nadav M.* Ma’asei alimut hadadiyim bein yehudim lelo-yehudim be-Lita lifnej 1648 (Взаимное насилие между евреями и христианами в Литовском княжестве до 1648) // *Gal Ed*. Vol. 7/8 (1985). P. 41–56.
- Nadav 1998 – *Nadav M.* Jewish Ownership of Land and Agricultural Activity in XVI the Century Lithuania // *Scripta Hierosolymitana*. Vol. 38 (1998). P. 161–165.
- Rosman 1986a – *Rosman M.* Dimuyo shel Beit-Israel be-Polin ke-Mirkaz Torah acharei gezeirot 1648-49 (Образ польского еврейства как центра изучения Торы после погромов 1648 г.) // *Zion*. Vol. LI (1986). P. 435–448.
- Rosman 1986b – *Rosman M.* Jewish Perceptions of Insecurity and Powerlessness in XVII–XVIII Century Poland // *Polin*. Vol. 1 (1986). P. 19–27.
- Rosman 1990 – *Rosman M.* The Lord’s Jews: Magnate-Jewish Relations in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the Eighteenth Century. Cambridge, Mass., 1990.
- Schorr 1991 – *Schorr M.* Żydzi w Przemysłu do końca XVIII w. Lwów, 1903 (reprint: Warszawa; Jerusalem, 1991).
- Teller 1997 – *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates of Poland-Lithuania in the XVIIIth Century // *Gal Ed*. Vol. 15–16 (1997). P. 41–63.
- Teter 2006 – *Teter M.* Jews and Heretics in Catholic Poland. A Beleaguered Church in the Post-Reformation Era. Cambridge, 2006.
- Volumina Legum 1859a – *Volumina Legum* / Wyd. J. Ohryzko. Petersburg, 1859. Vol. 2.
- Volumina Legum 1859b – *Volumina Legum* / Wyd. J. Ohryzko. Petersburg, 1859. Vol. 3.
- Weinryb 1973 – *Weinryb B.D.* The Jews of Poland. A Social and Economic History of the Jews Community in Poland from 1100 to 1800. Philadelphia, 1973.
- Żydzi polscy 2001 – *Żydzi polscy 1648–1772. Źródła* / Oprac. i wstępem opatrzył A. Kaźmierczyk. Kraków, 2001.

**Live and Die in the Village.
Relations between Jews and Peasants
in the Eastern Part of the Polish-Lithuanian Commonwealth
in the 17th Century**

Andrey Shpirt

(Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia)

PhD (History), ORCID ID: 0000-0002-0611-9809,
Academic secretary of the Center for Ukrainian and Belorussian Studies,
Faculty of History, Moscow Lomonosov State University,
119192, Moscow, Lomonosovski av. 27-4,
tel.: +7 (495) 939-56-50, E-mail: futesas@gmail.com

Summary: The article is devoted to the social and legal status of Polish-Lithuanian Jews in rural areas and their relations with peasants or Christian population during the 17th century. The author discusses both legal and social problems, as well as the role of religion in the interfaith relations and its contribution to economic development. The penetration of Jews into the village and their appearance in local markets indicate their active role in the country's economy. The life of Jews in rural areas has also opened up new opportunities for Jewish-Christian relations in the socio-cultural sphere.

Keywords: *Jews, social history, Polish-Lithuanian Commonwealth, Christianity, Jewish-Christian relations*

References:

- Alexandrowicz S.* Rola miasteczek w gospodarczych uwarunkowaniach rozwoju ludności żydowskiej Wielkiego księstwa Litewskiego w XVI–XVIII w. // *Regiony pograniczne Europy Środkowo-Wschodniej w XVI–XX w. Społeczeństwo-gospodarka-polityka. Zbior studiów / Pod red. M. Wojciechowskiego i R. Schattkowsky'ego.* Toruń, 1996. S. 153–161.
- Bacon G., Rosman M.* Kehilla nivheret bi'metsuka: Yahadut polin be'ikvot Gezeirot Tah-Tat // *Ra'ayon ha-Behira be'Yisrael u ba'Amim / Ed. by Sh. Almog., M. Heyd.* Jerusalem, 1991. P. 207–219.
- Ben-Sasson H.H.* Takanot issurei shabat shel Polin u'mashmoutan ha'hevratit ve'kalkalit // *Zion.* Vol. 21 (1956). P. 183–206.
- Cieśla M.* Żydzi wiejscy w Wielkim Księstwie Litewskim w drugiej połowie XVIII w. // *Kwartalnik Historii Żydów.* T. 254 (2015). № 2. S. 231–246.
- Cygielman A.* Iskei hakhirot shel yehudei Polin u'kesharam le'hithavut "Vaad arba aratzot" // *Zion.* Vol. 47 (1982). № 2. P. 112–144.

- Feldman 1969 – *Feldman E.* Heichan u'bishvil mi nitkanu ha'takanot le'issur ha'melakha be'shabat shel r. Meshulam Faibish? // *Zion*. Vol. 34 (1969). P. 90–97.
- Fram E.* Bein 1096 le'1648–1649 – Ijun mechadesh // *Zion*. Vol. LXI (1996). № 2. P. 159–182.
- Fram E.* Ideas Face Reality. The Jewish Law and Life in Poland (1550–1655). Cincinnati, 1997.
- Goldberg J.* Poles and Jews in the XVII–XVIII Centuries. Rejection or Acceptance? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd 22 (1974). S. 248–282.
- Goldberg J.* Żyd i karczma miejska na Podlasiu w XVIII w. // *Studia Podlaskie*. 1989. № 2. S. 27–38.
- Goldberg J.* Władza dominialna Żydów-arendarzy dóbr ziemskich nad chłopami w XVII–XVIII w. // *Przegląd Historyczny*. T. LXXXI (1990). № 1/2. S. 190–191.
- Goldberg J.* Żyd a karczma wiejska w XVIII w. // *Wiek Oświecenia*. 1993. № 9. S. 205–213.
- Horn M.* Żydzi na Rusi Czerwonej w XVI i w pierwszej połowie XVII wieku. Działalność gospodarcza na tle rozwoju demograficznego. Warszawa, 1975.
- Hundert G.* Security and Dependence: Perspectives on Seventeenth Century Polish-Jewish Society. Jewish Merchants in Little Poland. N. Y., 1978.
- Hundert G.* The Implications of Jewish Economic Activities for Christian-Jewish Relations in the Polish Commonwealth // *The Jews in Poland / Ed. by C. Abramsky and M. Jachimczyk*. London, 1986. P. 245–275.
- Kalik J.* Szlachta Attitudes Towards Jewish Arenda in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Gal Ed. Vol. 14* (1995). P. 15–25.
- Kalik J.* The Orthodox Church and the Jews in the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Jewish history*. Vol. 17 (2003). P. 229–237.
- Kalik J.* The Inn as a Focal Point for Jewish Relations with the Catholic Church // *Jews and Slavs / Ed. by W. Moskovich, I. Fijałkowska-Janiak*. Jerusalem; Gdańsk, 2008. Vol. 21: Jews, Poles and Russians. Jewish-Polish and Jewish-Russian Contacts. P. 381–390.
- Kalik J.* Scepter of Juda. The Jewish Autonomy in the Eighteenth-Century Crown Poland. Leiden, 2009.
- Kargol T., Ślusarek K.* Życie społeczne chłopów w zachodniej Małopolsce w epoce reform agrarnych na przełomach XVIII i XIX wieku // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*. 2017. Z. 1. S. 101–118.
- Kats Ya.* Traditsiia i krizis. Evreiskoe obshchestvo na iskhode Srednikh vekov. Moscow, 2010.
- Kaźmierczyk A.* The Problem of Christian Servants as Reflected in the Legal Codes of the Polish-Lithuanian Commonwealth During the Second Half of the XVII century and in the Saxon Period // *Gal-Ed. Vol. 15–16* (1997). P. 23–40.
- Kaźmierczyk A.* Recenzja na: *Kalik J.* Scepter of Juda. The Jewish Autonomy in the Eighteenth-Century Crown Poland. Leiden, 2009 // *Kwartalnik Historyczny*. T. CXVIII (2011). № 3. S. 577–583.
- Nadav M.* Ma'asei alimut hadadiyim bein yehudim lelo-yehudim be-Lita lifnej 1648 // *Gal Ed. Vol. 7/8* (1985). P. 41–56.

- Nadav M.* Jewish Ownership of Land and Agricultural Activity in XVI the Century Lithuania // *Scripta Hierosolymitana*. Vol. 38 (1998). P. 161–165.
- Rosman M.* Dimuyo shel Beit-Israel be-Polin ke-Mirkaz Torah acharei gezeirot 1648-49 // *Zion*. Vol. LI (1986). P. 435–448.
- Rosman M.* Jewish Perceptions of Insecurity and Powerlessness in XVII–XVIII Century Poland // *Polin*. Vol. 1 (1986). P. 19–27.
- Rosman M.* *The Lord's Jews: Magnate-Jewish Relations in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the Eighteenth Century*. Cambridge, Mass., 1990.
- Starchenko N.* Evrei na Volyni v kontse XVI – pervoi treti XVII v.: nekotorye nabliudeniia nad neprostym sosedstvom // *Svoi ili chuzhoi? Evrei i slaviane glazami drug druga*. Moscow, 2003. P. 92–104.
- Starchenko N.* Chest', krov i rytoryka: Konflikt u shliakhets'komu seredovyshchi Volyni (druha polovyna XVI – pochatok XVII stolittia). Kiev, 2014.
- Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates of Poland-Lithuania in the XVIIIth Century // *Gal Ed*. Vol. 15–16 (1997). P. 41–63.
- Teter M.* *Jews and Heretics in Catholic Poland. A Beleaguered Church in the Post-Reformation Era*. Cambridge, 2006.
- Weinryb B.D.* *The Jews of Poland. A Social and Economic History of the Jews Community in Poland from 1100 to 1800*. Philadelphia, 1973.